

Белорусского писателя Василия Быкова не надо представлять читателям газеты. Его произведения общеизвестны — «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Атака с ходу», «Обелиск», «Сотников», «Волчья стая». Василий Быков пишет о войне, о людях войны. И хотя на эту тему у нас в стране выходит очень много книг, повести Быкова отличаются от всех каким-то своим, особым взглядом на минувшее, на великий ратный подвиг советского человека. За повести «Обелиск» и «Дожить до рассвета» Василию Быкову только что присуждена Государственная премия СССР.

— Литературные критики, особенно в последнее время, много писали о вашем творчестве, называли главные проблемы, которые вы ставите в своих произведениях. А как вы сами сформулировали бы эти проблемы?

— Видите ли, мне трудно сжато, коротко назвать проблемы, которые я ставил и уже сформулировал в своих произведениях. Ну, пожалуй, так это попытка исследования нравственности нашего советского человека в условиях большой кровопролитной, длительной борьбы против немецкого фашизма. Сюда входят, очевидно, все стороны нашей нравственности, нашей духовности: идейность советского человека, его верность Родине, товарищество, взаимная выручка. На войне нравственный фактор был очень важен, правда, как и всегда в жизни. Но на войне он был особенно важен, потому как в конечном счете исход войны и наша победа определялись нашей высокой нравственностью, нашей высокой идейностью и убежденностью.

— Вы почти ответили на мой второй вопрос. И все же: почему эти глубинные, нравственные проблемы вы решаете именно на материале войны?

— Конечно, их можно решать в искусстве на различном жизненном материале. Но меня интересует именно период войны в нашей истории как время, которое наиболее мне близко, знакомо по личному опыту. И, кроме того, в периоде войны, очевидно, заложены очень большие возможности для таких исследований, возможности большие, мне так кажется, чем в обыкновенной мирной жизни.

— Все ваши произведения по жанру — повести. Чем это объясняется?

— Я начинал с рассказов. Но потом постепенно перешел к жанру повести, потому, как мне показалось, что для задач, которые я сам перед собой поставил, жанр этот наиболее емкий, он позволяет с максимальной глубиной и в то же время весьма экономно исследовать человеческую нравственность. Повесть перед романом вообще, на мой взгляд, имеет явные преимущества.

— Какие?

— Повесть позволяет сосредоточиться целиком на каком-то одном жизненном моменте. Писатель берет небольшой промежуток времени, ограниченное количество героев и максимально углубляется в изучение духовного содержания своих персонажей, в их нравственность. Роман же требует широкого охвата и времени, и пространства, он всегда многопланов. Есть много примеров, когда романы не удавались писателям именно в силу ширины своего охвата: охватывалось гораздо больше, чем удавалось глубоко исследовать. А если еще роман событийный, эта событийность вообще отодвигает психологизм на второй план. Автор, идя вслед за событиями, за действием, просто не имеет возможности углубленно исследовать человеческую психику.

— Василий Владимирович, вы сказали, что военное время вам знакомо по личному опыту. Означает ли

это, что ваши повести автобиографичны?

— В значительной степени, да. Хотя это вовсе не значит, что мои повести целиком построены на воспоминаниях. Моя военная биография накладывает свой свет на все произведения. Но в одних какие-то моменты моей фронтовой жизни отражены довольно полно, например в повестях «Третья ракета», «Атака с ходу», другие произведения в моей биографии прямого отношения не имеют. Это прежде всего «партизанские» повести, ведь у меня не было личного опыта партизанской войны. Тем не менее опыт вообще фронтовой войны позволяет видеть и в этой партизанской, войне очень многое. Вот и выходит, что одни произведения буквально взяты из моего прошлого, а другие созданы на основании этого прошлого.

— Где вы сражались во время войны?

— На Украинских фронтах, за

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ВАСИЛЬ БЫКОВ

границей — в Румынии, Венгрии. Закончил войну в Австрии в звании лейтенанта, командира взвода.

— Военная тема в искусстве. Ей, по-видимому, суждена долгая жизнь. Как вы представляете себе будущее этой темы?

— Думаю, что будущее этой темы — во все большем углублении психологических исследований различных моментов войны, различных героев ее. На мой взгляд, у нас сейчас несколько суженно пошло развитие этой темы, а именно в направлении исследования героизма — ведь героизм тоже имеет множество всяких нюансов, всяких аспектов. Поэтому, я думаю, искусство военной темы будет все больше углубляться в психологию людей войны, изучать и то, что мы сейчас называем частностями.

— К военной теме сейчас обратились и художники молодого поколения, которые сами не пережили войну. Как вы думаете, могут ли эти люди достаточно серьезно и правдиво рассказать о войне?

— Я думаю, что могут и они написать о войне достойно. Ведь Толстой, к примеру, писал о войне 1812 года, хотя сам ни участником ее, ни даже свидетелем не был. Но для этого, конечно, нужен прежде всего талант и художническая добросовестность — это обязательно. И только в таком случае возможно создание вполне художественных и глубоких произведений.

— Когда Толстой писал «Войну и мир», память о войне 1812 года уже достаточно стерлась и мало очевидцев ее осталось в живых...

— Да, это верно, конечно. Но ведь уже есть примеры, когда люди, которые не принимали участия в войне, тем не менее создали произведения весьма интересные. Это произошло, думаю, потому, что, помимо какого-то антуража, помимо каких-то частностей и деталей войны, которые не доступны людям, в ней не участвовавшим, в их распоряжении есть еще и такое — более общее и более важное и интересное для искусства, — как психология. И для талантливого хотя и молодого автора она-то доступна.

— Ваши герои часто принимают решения, от которых зависит жизнь других людей и их собственная. Это традиционный прием в искусстве. Чем он вас привлекает?

— Прием традиционный, но, я думаю, убедительный для того, чтобы выразить те нравственные моменты в жизни человека, которые меня интересуют. Ну, и потом на войне подобные ситуации были правомерны, что ли.

— Вы не помещаете своих героев в обстановку больших битв, известных сражений, а берете локальные «безымянные» события. Объясните, пожалуйста, почему?

— На огромном фронте войны битвы происходили каждый день и каждый час. И не обязательно это были битвы большие. Больших битв было, наверное, меньше, чем повседневных, самых обыкновенных. За Сталинград была одна битва, а за какой-нибудь безымянный хуторок, высотку, которых тысячи на нашей земле, битвы происходили на всех фронтах непрерывно.

— Это не в моем, что ли, вкусе — исследовать большие битвы. Моя за-

дача гораздо скромнее, и мне достаточно, для того чтобы выразить то, что я хочу, маленького боя в течение одних суток за какую-нибудь безымянную высотку с ручьем. Поэтому как, я полагаю, там происходило все то же самое, что и, скажем, в большой битве, только в меньших размерах. Но для меня эти размеры вполне достаточны, потому как они дают возможность исследовать мысли и поступки двух-трех человек. Для меня это интереснее, чем исследовать многие массы войск.

— Как вы работаете?

— Обыкновенно. Пишу тогда, когда появляется такая возможность, то есть, когда созревает образ или действие, очередная глава. Тогда сажусь и пишу. Это бывает в разное время: может быть днем, может быть вечером. Пишу я по главам. Глава, как картина, как сцена, я ее изображаю в один присест. Ну, потом идет, разумеется, чистка, правка и доработка. Пишу последовательно — от главы к главе. Никогда не начинаю с конца и не возвращаюсь в начало, а с самого первого слова, первого замысла, первой картины и так — до конца.

— Какие фильмы по вашим сценариям сейчас снимаются?

— «Волчья стая» на Белорусской студии и «Дожить до рассвета» на «Ленфильме», где я выступаю в качестве соавтора сценария вместе с Виктором Соколовым, режиссером-постановщиком.

— Недавно вы впервые обратились к театру...

— Это было трудное, надо сказать, обращение. Оно отняло и много сил, и времени, и я не считаю это обращение перспективным. Я обнаружил, что театр меня мало увлекает, хотя я очень добросовестно, в полную силу поработал года полтора и написал две пьесы. Это «Последний шанс» для МХАТа и еще есть одна пьеса — «Решение». Она была напечатана в журнале «Неман» года два назад, но еще не ставилась.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Пишу одну небольшую повесть, тоже на военную тему. Названия у нее еще нет, еще только-только рождаются первые страницы. Думаю, может быть, в течение осени и зимы я ее напишу.

Интервью вел
С. ПАРХОМОВСКИЙ.